

Глава 1. Возвращение

В шесть вечера Цзянь И, зажав в зубах палочку из боярышника, лениво притащился к окну. Он бросил взгляд на серое небо, затянутое плотным, удушливым смогом, пренебрежительно фыркнул и целиком засунул лакомство в рот.

Не прошло и пары минут, как из здания женского корпуса напротив донесся вой. Многоголосый, нарастающий гвалт. Визг сотен женщин вызывал почти физическую боль — этот звук был куда невыносимее, чем скрежет когтей по стеклу. Цзянь И с трудом проглотил остатки боярышника, прочистил горло и заорал во всю мощь легких. Его голос стал сигналом: мужское отделение, будто по команде, подхватило клич. Пациентки не сдавались, и вскоре над территорией развернулась полномасштабная «Битва песен».

Такие вокальные баталии могли длиться часами и повторялись каждые несколько дней. В первое время жители окрестных домов пытались воевать с ними, открывали окна и крыли психушку матом, но чем громче они ругались, тем азартнее были пациенты. В конце концов все смирились: теперь соседи просто молча захлопывали окна, едва слышав первые ноты.

В семь часов, когда пришло время ужина, Да Нин привычно вцепился в край куртки Цзянь И. Если самого Цзянь И здесь считали завсегдатаем, то Да Нин уже давно стал кем-то вроде почетного домовладельца. По паспорту его звали Ван Нин, ему было девятнадцать лет, и шесть из них он провел в этих стенах. Пока сверстники переходили из младших классов в средние, а из средних — в старшие, он совершил свой единственный «выпускной»: из детского отделения во взрослое, где и остался на вечный второй год. Семья его не бедствовала, но заниматься парнем никто не хотел. Его просто спланировали на платное содержание, изредка присылая предметы первой необходимости.

У Да Нина был букет диагнозов: тяжелая депрессия, бред преследования и обсессивно-компульсивное расстройство. Годы на таблетках и регулярные обострения притупили его разум — внешне он казался тихим и безобидным, и сложно было поверить, что когда-то этот юноша едва не зарубил собственную мать. В первый день Цзянь И в больнице именно Да Нин подошел к нему и потащил в столовую. Позже выяснилось, что это не было жестом доброй воли: его тогда накрыло очередным приступом ОКР, и ему просто нужен был повод, чтобы еще несколько раз вымыть руки.

С тех пор привычка дергать Цзянь И за край одежды стала для него новым ритуалом. Он всегда тянул в одну сторону и с одинаковой силой, поэтому правый угол его больничной куртки был вечно жеваным и мятым. Впрочем, какая разница? Навещать его все равно было некому.

Цзянь И стоял неподвижно, и Да Нин замер следом. Он не двигался из-за своей анорексии. Он уже не бросался на санитаров, когда его заставляли есть, но порой впадал в глухое оцепенение, из которого его могли вывести только фиксирующие ремни и капельница с питательным раствором. Они торчали посреди палаты, пока все остальные не разошлись. Когда желудок Да Нина предательски заурчал, рука, сжимавшая ткань куртки Цзянь И, мелко задрожала.

Цзянь И посмотрел на него. Да Нин, должно быть, опять решил, что его наказывают голодом. Объяснять что-то было бесполезно: здесь мало кто слышит чужие доводы, а те, кто слышат, забывают их через пару дней. После очередного сеанса электротерапии память обнулялась у всех без исключения.

Цзянь И вздохнул, запихнул подальше собственное упрямство и, позволив Да Нину тащить себя за подол, побрел в сторону столовой.

***

Лян Чэнь проснулся в полном смятении. Смена часовых поясов и резкая перемена обстановки лишили его ориентации в пространстве. В памяти смутно всплыло, как он зашел в самолет с рюкзаком, надел маску для сна и провалился в небытие. Десять часов полета превратились в череду обрывочных снов, и окончательно он пришел в себя, только когда шасси коснулись взлетной полосы.

Растерянно моргая, Лян Чэнь посмотрел в окно на тягучий пекинский смог. Он действительно дома. Три года пролетели, и вот он вернулся. Собрав вещи, он прошел таможню, получил багаж и вышел в зал прилета, где его уже ждала семья.

Еще до посадки Лян Чэнь отправил матери список блюд, по которым изголодался, поэтому из аэропорта они напрямик рванули в «Хунбиньлоу». Обслуживали в ресторане быстро, и каждое новое блюдо исчезало с тарелок за считанные минуты. Он ел так, будто последние три года провел в засушливой саванне, а не в Штатах.

— Сын, да полегче ты, никто не отнимет! — Мама, Цзя Цин, не выдержала и в шутку шлепнула его палочкой по руке. — Посмотри на него, позорище какое. Люди подумают, что мы тебя в какую-то глухомань сослали.

— Ох, мам, — Лян Чэнь с трудом проглотил очередной кусок. — Я ради этого ужина сутки ничего не ел. Когда из самолета выходил, аж ноги подкашивались от голода.

— Ну и зачем такие крайности? Ты же не на день приехал, захочешь — еще раз сходим.

— Это совсем другое! Когда ты годами о чем-то мечтаешь, и это вдруг оказывается перед тобой... Ощущения не те, что при обычной еде. Клянусь, эти бычьи хвосты вкуснее всего, что я ел за последние три года.

— Слышал бы ты себя, — мать легонько ткнула его в макушку. — Вон, у соседей Ян ребенок тоже в Америке учится, так он трижды в год прилетает. А ты? Три года носа не показывал, нам самим пришлось к тебе лететь. Голодал он, и поделом тебе!

— Ладно, ладно, не начинай, — Лян Чэнь рассмеялся. — Дай доесть сначала, потом

воспитывай.

— Ешь уж, горе мое. Поговорим потом, — улыбнулась Цзя Цин.

Лян Яньбо, отец, дождался, пока сын отложит палочки и сделает глоток чая.

— Ну, делись планами, — сказал он. — Что дальше думаешь делать?

— Профессор хочет, чтобы я оставался в докторантуре, но я пока в раздумьях, — Лян Чэнь вытер губы салфеткой. — Он планирует тему, которая мне не очень близка, но и отпускать меня к другому куратору не хочет. Ситуация дурацкая. Я решил, что пока впереди лето, лучше вернуться сюда, пройти практику пару месяцев, посмотреть, как у нас дела в медицине продвигаются. Если со Штатами не срастется, просто закончу магистратуру и вернусь искать работу здесь.

Отец кивнул:

— Что ж, дело твое. Главное, чтобы потом не жалел о выборе.

— Да когда он о чем жалел? — усмехнулась мать. — С детства же такой: если что в голову втемяшится, десятью лошадьми не свернешь. Как по мне — возвращайся. В Китае сейчас перспективы не хуже. Пойдешь к дяде Пэю, он под боком, нам спокойнее будет. А то три года только тень твою по видеосвязи видели.

— Дядя Пэй всё еще в Шестой больнице? — Лян Чэнь разблокировал телефон. — Я как раз и хотел у него стажироваться.

— А где же ему быть? Уже замглаврача. Если бы ты три года назад не уехал, а сразу к нему пошел, сейчас бы уже в замах у заведующего отделением ходил, — Цзя Цин картинно закатила глаза.

— Мам, мне на эти регалии плевать. Мне нужна площадка, где я смогу заниматься делом, — Лян Чэнь потянулся, разминая затекшую спину. — Пап, замолвишь завтра за меня словечко перед дядей Пэем? Хочу поскорее выйти, мне потом еще отчет для университета писать.

— Договорились. Думаю, Пэй Цзюньчэн будет только рад.

— Еще бы! — вставила Лян Хуань, младшая сестра, до этого увлеченно грызшая край палочки. — Кстати, братик, если пойдешь в Шестую, сделай одолжение — спаси народ от их местных «певцов». Дядя Пэй жаловался, что за столько лет эти психи ни одной ноты в своем репертуаре не сменили.

— Ого, они до сих пор устраивают «Битвы песен»?

— А то! Без выходных и праздников. Ровно в шесть вечера — стабильнее, чем программа «Время». Дядя Пэй шутит, что они так заботятся о стариках, чтобы те новости не проспали.

— Забавно, — Лян Чэнь криво усмехнулся. — Ну, пойду — погляжу, может, выступлю в роли дирижера.

Он потянулся было к тарелке, но телефон в руке завибрировал. Пришло уведомление в WeChat.

— Опа, Сяо Чэнь-эр! Наконец-то ты, паршивец, соизволил вернуться. Старые правила в силе: сегодня в десять на нашем месте. Будем отмечать твой приезд. И готовься — будет сюрприз!

<http://bllate.org/book/17455/1656994>